

13.11. МЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЫНКИ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА КАК ИНСТИТУТЫ СОЗДАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Сорокин М.А., к.э.н., заместитель директора Института международного бизнеса и экономики

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В статье на основе анализа проявлений глобализации выделен атрибут, обладающий наибольшими признаками института. Показано, что правительства ведущих экономических держав проводят не рыночную, а редистрибутивную внешнеэкономическую политику, направленную на контроль за перемещением факторов производства, а нынешнее положение в регулировании мировой торговли близко к бифуркационному. Выявлены особенности институциональной трансформации при реализации российской стратегии импортозамещения.

Нынешний этап развития мирохозяйственных экономических связей принято называть глобализацией. Существует достаточно большое число определений феномена под названием «глобализация», однако мы будем использовать не само это понятие, а его атрибуты (составляющие), предложенные несколько лет назад польским экономистом Гж. Колодко, – либерализация, интеграция и взаимозависимость. Для дальнейшего анализа приведем содержание каждого атрибута:

- либерализация – это процесс расширения и углубления свободы вхождения хозяйствующих субъектов во взаимные связи;
- интеграция – это процесс соединения разнообразных отдельных рынков товаров, капитала и в меньшей степени рабочей силы в один большой рынок;
- взаимозависимость – это переплетение причинно-следственных и обратных связей между явлениями и процессами, происходящими в различных точках глобального пространства [2, с. 153].

С позиций современной институциональной теории из трех приведенных атрибутов глобализации признаками институтов больше обладает именно либерализация как атрибут, во многом основанный на письменных (т.е. формальных) межгосударственных договоренностях, причем как двусторонних, так и многосторонних. Эти документы, по нашему мнению, как раз и составляют эксплицитное измерение институциональной матрицы либерализации в частности и глобализации в целом. Можно утверждать, что до недавнего времени подавляющее большинство эксплицитных норм было направлено одновременно как на унификацию правил и условий мировой торговли, так и на развитие свободы включения хозяйствующих субъектов в мирохозяйственные связи. Здесь и сейчас нет нужды упоминать о положительных или об отрицательных последствиях ли-

берализации для регионов, стран, отраслей, либо отдельных предприятий – о них написано предостаточно и, порой, очень полярно. Пожалуй, бесспорным будет одно – либерализация (в эксплицитной плоскости институциональной матрицы) открыла значительные потенциальные горизонты для развития международной конкуренции. Правда, вектор либерализации был во многом направлен на построение однополярного мира во главе с США.

В итоге к началу XXI в. глобальное управление мировой торговлей во многом напоминало слова нашего знаменитого соотечественника Д.И. Менделеева: «на словах – либерализм, на деле – протекционизм». Особенно яркое подтверждение этих слов можно найти в деятельности современных транснациональных корпораций (ТНК), которые контролируют до 90% мирового рынка пшеницы, кофе, кукурузы, лесоматериалов, табака, меди, бокситов, но ценообразование внутри ТНК идет не по рыночным законам. Более того, ученые обращают внимание на идеи о политическом подкреплении новой роли ТНК в мире, например, в форме особого представительства в международных организациях наряду с государствами [3, с. 104-105]. Таким образом, признавая на словах примат рынка как одного из двигателей общественного развития, субъекты формирования международных рынков факторов производства (как наднациональные, так и национальные) фактически осуществляют не рыночные, а редистрибутивные функции.

Указанный вывод эмпирически подтверждается той поразительной легкостью, с которой США, Канада, страны Европейского союза, Австралия и Япония ввели секторальные санкции по отношению к Российской Федерации из-за ее позиции в отношении событий на Украине. Видимо, прав был дальневосточный ученый М.В. Терский, в 2011 г. выдвинувший тезис о новой парадигме мирового развития, согласно которой выигрывает не тот, кто минимизирует риски, а тот, кто генерирует их для других. Иными словами, в современном мире нет необходимости откликаться на вызовы и проблемы, гораздо эффективней оказывается создавать проблемы для других. Так и получилось с крупнейшими российскими нефтяными, газовыми, оборонными и финансовыми структурами. Т.е. санкции обращены именно на те отрасли и производства, которые занимают серьезные позиции на мировых рынках и / или имеют высокий потенциал для своего развития. Очевидно, что секторальные санкции в отношении российских компаний не изменят позиции руководства РФ по отношению к событиям в Украине. Следовательно, они изначально имели целью не изменение нашей позиции, а именно сдерживание российских компаний в их дальнейшем развитии и активном участии в создании мировых цепочек добавленной стоимости. В очередной раз развитые страны – участницы Всемирной торговой организации (ВТО) применяют чрезвычайные меры для спасения собственных экономик [4].

На санкции западных стран РФ в свою очередь ответила асимметрично, закрыв сначала свои рынки для импорта многих видов продовольствия. Сейчас рассматриваются предложения по ограничению ввоза широкого спектра потребительских товаров – от

холодильников до автомобилей (в том числе и подержанных). Аналитики заговорили о «санкционных войнах». На уровне макроструктуры предпринимательской среды можно наблюдать перераспределение экономической власти предприятий отдельных государств, обеспечивающих перераспределение экономической свободы, что в конечном итоге не может не привести к изменению характера и условий конкуренции [1].

С позиции институционального анализа нынешнее положение в регулировании мировой торговли близко к бифуркационному, характеризующемуся «устойчивыми искажениями информации, в том числе предпринимаемыми в политических целях определенными группами для извлечения дополнительных выгод» [12, с. 296]. Дополнительно, по нашему мнению, посредством запретов в отношении российских компаний к доступу к финансовым, техническим и технологическим ресурсам, происходит перераспределение ведущих игроков мирового финансового, энергетического, оборонного рынка с целью снижения неопределенности в конкурентоспособности между западными и российскими компаниями. В механизмах контроля за мировой торговлей создаются элементы, позволяющие получать выгоду не в условиях прямой конкуренции на товарных рынках, а благодаря искусственно созданным барьерам для развития производств – так сказать, еще на начальном этапе.

Отметим, что в научном мире нет единого подхода в примате экономических изменений и институтов. Одни ученые считают, что институты должны являться каркасом экономической политики, которая приводит к запланированным экономическим изменениям, другие считают, что институты сами по себе (в силу выполняемых ими функций или дисфункций) в конечном итоге приводят к экономическим изменениям.

Великий Д. Норт видит три источника экономических изменений в мире – это демография, объем знаний и институты [8]. Т.е. здесь институты являются первичным фактором экономических изменений. С такой позицией можно согласиться, принимая во внимание экономические изменения в мире в целом. Действительно, учитывая наличие нескольких уровней генерирования институтов экономических изменений, единого и единственного источника все-таки не существует, несмотря на существование наднациональных и надгосударственных структур [11, с. 66]. Согласно теории Д. Норта, источниками институциональных изменений являются:

- сдвиги в структуре относительных цен, вызванные изменением цен конечного продукта по отношению к факторам производства либо к изменению цен одних факторов по отношению к ценам других;
- субъективные модели, через призму которых люди воспринимают и оценивают окружающий мир, и которые зачастую могут являться результатом влияния экономических расчетов [5, с. 41-42].

Очевидно, что источником секторальных санкций в отношении российских нефтегазовых компаний явились расчеты по себестоимости сланцевого газа, которым через несколько лет собирались «залить» потребителей из стран Европейского союза газовые компании США. Конечная цена сланцевого газа из США, включающая себестоимость добычи и транс-

портировки, оказалась на несколько десятков процентов выше, чем российская. Таким образом, здесь переплелись оба нортовских условия – США стремятся нивелировать собственные цены на сланцевый газ относительно российских цен на природный газ, синхронно реализуя идеологический императив обеспечения превосходства американских компаний.

По некоторым оценкам, за пятилетку (с 2008 по 2013 гг.) рост российского экспорта на 65% обеспечивался ростом экспортных цен и лишь на 35% – ростом физического объема поставок [5, с. 12]. Следовательно, можно утверждать, что секторальные санкции (как эксплицитный вектор) являются не источником, а целью изменения цен одних факторов производства относительно других. Такой подход, на наш взгляд, в дальнейшем поможет выявить и осмыслить глобальные закономерности движения международных факторов производства [6, с. 4].

Исследуя причины институциональных трансформаций, нельзя не упомянуть о мнении российского ученого О. Сухарева, который ставит вопрос о соотношении самопроизвольных институциональных модификаций, происходящих в силу неких внутренних законов институциональных изменений, и управляемых институциональных изменений, которые планируются и составляют результат деятельности правительств и общественных организаций, а также малых и больших групп интересов [12, с. 128]. Нам представляется, что самопроизвольные институциональные модификации, как раз в силу существования неких внутренних законов, являются по большей части предсказуемыми и эволюционными, а вот управляемые институциональные изменения в силу сложности выявления влияния общественных организаций, малых и больших групп на правительства, являются зачастую спонтанными и непредсказуемыми.

Так, например, в монографии, подготовленной в 2008 г. Институтом мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук, дается ссылка на Руководство стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по качеству и осуществлению регулирования, в котором политика, инструментарий и институты регулирования адаптированы к условиям XXI в. Один из семи основополагающих принципов этого руководства гласит: «Устранение необходимых торговых и инвестиционных барьеров путем постоянной либерализации, а также усиление внимания к рыночной открытости и лучшей ее интеграции в процесс регулирования...» [7, с. 58]. Очевидно, что данный принцип основан на эмпирических фактах самопроизвольных институциональных модификаций, а не на фактах управляемых институциональных изменений. Санкции, введенные в отношении российских компаний, являются прямым подтверждением тезиса, что национальный капитализм эквивалентного обмена фактически превращается в глобальный капитализм неэквивалентного обмена [14, с. 116].

В середине сентября 2014 г. состоялось заседание Государственного совета РФ, на котором обсуждалась тема развития отечественного бизнеса и повышения его конкурентоспособности в условиях членства России в ВТО. Основной целью заседания

было обсуждение новой модели экономического роста в условиях действия обоюдных санкций. Новая модель, по мнению руководителя рабочей группы Госсовета, губернатора Белгородской области Е.С. Савченко, должна основываться на двух составляющих: на импортозамещении и на активном стимулировании внутреннего спроса и потребления. В части импортозамещения планируется в течение ближайших двух-трех лет увеличить долю российских товаров в общем объеме розничного товарооборота на 25%, что составит почти 7 трлн. руб., создаст не менее 1 млн. рабочих мест и увеличит налоговые поступления на 500 млрд. руб. [16]. Идея импортозамещения как реализация одной из форм внешне-торговых стратегий в сфере государственной политики не нова [10, с. 74-77]. Однако обсуждение положительных и отрицательных последствий импортозамещения оставим за пределами данной статьи.

Для успешной реализации модели импортозамещения, совмещенной со стимулированием внутреннего спроса, предлагается несколько направлений, среди которых можно отметить:

- формирование перечня проектов, направленных на импортозамещение, и снабжение их механизмами господдержки, включая доступ к кредитным ресурсам под 3-4% годовых;
- устранение дискриминационных отношений между кредитными финансовыми организациями и реальным сектором экономики;
- отказ от искусственного завышения курса рубля;
- отказ от моратория на изменение налогового законодательства;
- отказ от хронического недофинансирования науки;
- отказ от проведения успешных, не подвергнутых глубокой оценке, реформ;
- отказ от неэффективного управления экономикой с упором на проектное управление с выстраиванием межведомственных вертикалей управления [16].

Очевидно, что большая часть направлений может быть реализована только посредством трансформации соответствующих институтов, т.е. путем модификации одновременно как эксплицитных, так и имплицитных норм. Причем затронуты будут самые до сих пор стабильные и закрытые институты – финансовая система, налоговая система, государственное управление. Основное влияние такие преобразования окажут на устойчивость развития национальных предпринимательских структур [15]. Это обстоятельство потребует, на наш взгляд, серьезной научной проработки последствий столкновения институциональных преобразований, проводимых на эксплицитном уровне, с реальными экономическими отношениями и практикой взаимодействия хозяйствующих субъектов и государственных органов, существующих на имплицитном уровне. Самое опасное – это возможность превалирования прежних неформальных отношений над новыми формальными правилами, как это уже было в нашей недавней истории [9, с. 112].

Литература

1. Ворожбит О.Ю. и др. Структура предпринимательской среды: определяющие факторы [Текст] / О.Ю. Ворожбит, Н.В. Зубова, А.В. Корень // Вестн. Тихоокеанского госуд. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 121-128.
2. Колодко Г.В. Мир в движении [Текст] : пер. с пол. / Г.В. Колодко. – М. : Магистр, 2009. – 575 с.
3. Кушлин В.И. Трактории экономических трансформаций [Текст] / В.И. Кушлин. – М. : Экономика, 2004. – 310 с.
4. Латкин А.П. Современный подход к принципам формирования и функционирования международных экономических организаций [Текст] / А.П. Латкин // Территория новых возможностей : вестн. Владивостокского госуд. ун-та экономики и сервиса. – 2009. – №2. – С. 11-16.
5. Лебедев Д.С. Институциональная трансформация внешней торговли России [Текст] / Д.С. Лебедев. – М. : Экономика, 2013. – 159 с.
6. Логинов Б.Б. Международные факторы производства в национальных экономиках [Текст] : монография / Б.Б. Логинов, А.О. Руднева. – М. : ИНФРА-М, 2012. – 312 с.
7. Мировая экономика: прогноз до 2020 года [Текст] / под ред. акад. А.А. Дынкина ; ИМЭМО РАН. – М. : Магистр, 2008. – 429 с.
8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений [Текст] / Д. Норт ; пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана ; Госуд. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Госуд. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
9. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития [Текст] / Р.М. Нуреев. – М. : Норма, 2009. – 448 с.
10. Промышленная политика и международные отношения [Текст] : в 2 кн. Кн. 1 : Международная торговля / под общ. ред. Ю.В. Кузнецова. – Челябинск : Социум, 2005. – 362 с.
11. Субботин А.К. Гиперконкуренция и эффективность управления: анализ экономики стран – лидеров современного мира: взгляд из России [Текст] / А.К. Субботин ; предисл. В.Л. Макарова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 288 с.
12. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: к новой теории передаточного механизма в макроэкономике [Текст] : в 2 кн. Кн. 1. : Институциональная теория. Методологический эскиз / О.С. Сухарев. – М. : Экономика, 2007. – 516 с.
13. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: к новой теории передаточного механизма в макроэкономике [Текст] : в 2 кн. Кн. 2 : Экономическая политика. Проблемы теоретического описания и практической реализации / О.С. Сухарев. – М. : Экономика, 2007. – 804 с.
14. Структурная и институциональная модернизация экономики России: секторальный анализ в контексте мирового развития [Текст] / отв. ред. Ю.В. Куренков ; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – М. : Наука, 2006. – 415 с.
15. Терентьева Т.В. Устойчивое развитие предпринимательской структуры как категория. Концептуальные подходы к трактовке категории «устойчивость развития» предпринимательской структуры [Текст] / Т.В. Терентьева, М.А. Бобырева // Российский предпринимательство. – 2011. – № 1-2. – С. 52-56.
16. Aftershok [Электронный ресурс] : информационный портал. Режим доступа: <http://aftershok.su/?q=node/258328> (дата обращения 25 сент. 2014 г.).

Ключевые слова

Глобализация; институт; международная торговля; факторы производства; трансформации.

Сорокин Михаил Афанасьевич

РЕЦЕНЗИЯ

Вызовы, с которыми в настоящее время столкнулась российская экономика, требуют новых теоретических осмыслений и практических действий. Обоюдные симметричные и ассиметричные санкции, в эпицентре которых сегодня оказалась Российская Федерация, свидетельствуют о возрастании роли мер политического воздействия на международные факторы рынков производства.

Цель настоящего исследования – анализ влияния новых политических реалий на формирование национальных институтов, сфокусированных на реализации модели импортозамещения. Автор совершенно справедливо утверждает, что наднациональные институты воздействия на международные рынки факторов производства в настоящее время сфокусированы на выполнении не рыночных, а редиистрибутивных (распределительных) функций посредством реализации санкций в отношении российских компаний.

Научная новизна выводов автора состоит в выделении либерализации как атрибута глобализации, имеющего максимальные черты института; в обосновании трансформации характера наднационального регулирования – от рыночного к редиистрибутивному. Практическая значимость определяется предложениями по научной проработке последствий столкновения институциональных преобразований (призванных реализовать стратегию импортозамещения) и реальными экономическими отношениями, сложившимися к настоящему времени – как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне.

Перечень цитируемых авторов и приведенных источников свидетельствует о глубокой проработке предмета исследования.

Таким образом, данная статья отвечает необходимым требованиям и может быть рекомендована к публикации в рецензируемом научном журнале.

А.П. Латкин, д.э.н., проф. кафедры экономики и менеджмента Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.